

Мир России. 2003. № 1

Сомнение или надежда: зарубежные образы социальной политики России

О.В. БОЙКО

Читателям предлагается обзор зарубежных исследований социальной политики новой России. Приводятся экспертные оценки ключевых исследователей социальной политики России и государств всеобщего благосостояния других стран. Анализируется российская модель социального государства, рассматриваются репрезентации динамики социально-политических решений 1990-х годов, соотносятся различные подходы к экспертизе социальной реформы. Привлекаются публицистические иллюстрации узловых проблем социальной политики. В работе особо анализируются гендерное измерение постсоветской социальной политики. В целом предполагается, что сторонний взгляд повышает способность к рефлексии отечественных социальных проблем, развития системы социального обеспечения. Интеграция российской социальной политики в общемировые модели существенно зависит от признания перспектив социального развития.*

Предположим, что некий заинтересованный читатель захотел, пользуясь зарубежной научной и околонушной литературой, определить образ социальной политики России. Вероятно, читателя интересует нечто большее, чем знание о российской коррупции и глубине социального неравенства. Допустим, есть аналитический микроскоп, составленный исключительно из западных исследований конца прошлого века и набросков века нынешнего, с помощью которого приближаются к рассмотрению столь крупного социального экземпляра. Итак, совершается интеллектуальный вояж для обзора работ ведущих зарубежных экспертов по проблемам социальной политики России и некоторой публицистики.

* Статья написана по материалам исследования, проведенного во время стажировки в ун-те г. Гетеборга (Швеция), стипендия предоставлена фондом INTAS YSF 2001/1—195. Данная статья может быть использована в качестве учебного материала к курсу «Социальная политика».

Социальное государство — особый случай либерального проекта в России

В сонме академических и неакадемических работ в первую очередь будет замечен схоластический соблазн постановки диагноза. Сначала для России, как и других стран с переходной экономикой, в удобной классификации моделей социальной политики пытаются найти определенное место.

В глобальном масштабе типология моделей социальной политики включает три типа — неолиберальный, социально-демократический и консервативный. *Либеральный* тип отличается зависимостью от рынка, относительно высокой стратификацией доходов и государственной интервенцией, регулирующей рыночные отчисления в фонды социальной защиты. Для *социально-демократического* типа характерны независимость от рыночного вклада, низкая стратификация, интенсивное государственное обеспечение и финансирование. Определяющими компонентами *консервативного* типа являются высокая стратификация доходов и социального статуса, умеренная зависимость от рыночного вклада, незначительное государственное обеспечение с ориентацией на некоммерческих благотворителей [Esping-Andersen 1996].

Система социального обеспечения в России советского периода не могла быть определена с помощью этой типологии ввиду отсутствия рыночной экономики. Хотя Standing и Esping-Andersen замечают, что «советская» система совмещала в себе черты универсализма и корпоративизма, характерные для капиталистических режимов социальных государств (полная и квазиобязательная занятость, масштабное и универсальное страхование, развитая система социальной защиты на предприятиях), эта модель социального обеспечения причисляется скорее к «non-welfare states» [Esping-Andersen 1996, p. 9, 227]. Государственный социализм был прочной и стабильной моделью, в которой государство являлось монопольным работодателем [Standing 1999b]. В постсоветской России централизация власти и ресурсов по-прежнему высока, но отход от политики защищенных рабочих мест и полной занятости очевиден [Manning, Shkaratan, Tikhonova 2000]. Государство приобрело основную функцию монопольного распределителя социальных пособий, однако специализированные институты социального обеспечения и страхования пребывают в затянувшемся процессе трансформации. Этот сложный транзитивный процесс дает основание утверждать, например, что в целом «Восточная и Центральная Европа представляет собой наиболее неопределенный регион, виртуальную лабораторию экспериментирования» [Esping-Andersen 1996, p. 270].

В терминах вышеуказанной типологии социальная политика новой России приближается к модели, в которой социальное обеспечение является товаром, к четко размеченной системе стратификации и возрастанию роли рынка. У многих западных аналитиков не вызывает сомнений тот факт, что для России перспектива заимствования социально-демократической традиции и универсального режима государства благоденствия остается далеко позади. Наличный тренд в большинстве восточноевропейских стран — это комбинация западноевропейского консервативного корпоративизма или социал-капитализма и североамериканского либерализма в его резидуальном варианте [Deacon 2000]. Большин-

Сомнение или надежда: зарубежные образы социальной политики России

ство правительств стран Восточной Европы в 1990-х годах энергично стремились реформировать систему социального обеспечения, продвигаясь от универсальных схем всеобщей занятости к социальному страхованию для снижения рыночных рисков и к социальным пособиям по нуждаемости.

Либеральный проект становится все более актуальным для социального государства в России. Он поддерживается Всемирным банком и воплощается государственным бюджетом. Государственная поддержка обеспечивается адресными программами социальной помощи, тестами нуждаемости для бедных и зависимых членов общества; для всех остальных предлагаются приватизированная социальная защита, образование и здравоохранение. Однако либеральная модель требует, во-первых, наличия определенных экономических условий и развитого рынка, а во-вторых, пофазового внедрения соответствующих реформ и осуществления превентивных мер для обеспечения минимального жизненного стандарта. В действительности экономические условия в России далеки от достижения такого уровня, при котором страна может с полным правом причислить себя к либеральной модели [Manning, Shkaratan, Tikhonova 2000].

Среди государств с переходной экономикой Россия была и остается уникальным явлением — сочетанием противоречивых компонентов социального обеспечения [Deacon 2000]. Маркерами своеобразия выступают высокая региональная дифференциация, неспособность (вследствие отсутствия налоговых поступлений) выплачивать запланированные зарплаты и пособия, некоторые признаки реформирования системы налогообложения, нереализованные обещания федерального правительства об адресации помощи для бедных и в то же время выплаты значительных сумм в виде пособий по месту работы и солидные социальные пакеты для части занятых. Приватизированные рынки жилья, образования и здравоохранения сосуществуют наряду с очень низкими минимальными пособиями, обнищанием и ухудшением здоровья населения.

Другим подтверждением уникальности российского проекта социального государства является оторванность экономики от общества, противоречивость социально-экономических решений и в связи с этим трудности институционализации социальной политики [Standing 1999a]. Соответственно необходимо заново интегрировать измененные экономические контракты в общественные отношения, что требует масштабных государственных акций. Взаимодействие между рынком и социальной политикой представляет ключевую политическую цель также и потому, что на национальном уровне социальные пособия могут рассматриваться в качестве инвестиций в человеческий капитал. Социальная политика помогает обеспечивать ежедневную репродукцию труда через домашнее обслуживание физических и психологических потребностей ее реципиентов, а в дальнейшем продукцию здоровой и образованной рабочей силы [Manning, Shkaratan, Tikhonova 2000].

Перед лицом глобализации капиталистические режимы государств всеобщего благосостояния начинают терять свою обособленность, и в связи с этим актуальность отдельных проектов снижается. По крайней мере, подобную тенденцию предвещают сторонники теории глобализации, фиксирующие любопытное превращение государств благосостояния в государства соревнования. В частности, для российской социальной политики парадокс видится в том, что модели прогрессивного движения размываются. Согласно Standing, эта про-

тиворечивость выражается в «одной из великих ироний 1990-х годов», когда вследствие коллапса государственного социализма появилось стремление сконструировать социальную политику, основанную на государственном капитализме благосостояния, «в то время как последний терял свои преимущества и официальный статус» [Standing 1999a, p. 2]. Подобная точка зрения не нова, ее высказывают многие экономисты.

Поэтому, вероятно, некоторым аналитикам ближе определения социального государства для России, исключаящие общемировые типологии. Например, может показаться достаточно удобным термин «рыночный большевизм», который обозначает обогащение старой номенклатуры в результате приватизации [Reddaway, Glinski 2000]. Трагедия российских реформ, по заключению этих авторов, состоит в «изнасиловании России», совершенном и одобренном зарубежными экономистами, ничего не знавшими о ее истории, обычаях и людях, но имевшими однобокую заготовку для трансформации социально-экономической системы в виде панацеи свободного рынка. Таким образом, концептуально в определение российской модели социальной политики заложен выбор — отстаивание общности с мировыми типологиями или акцентирование различий.

Manning versus Standing: неартикулированная оппозиция

Динамика социально-политических решений как любое изменение предполагает либо прогрессивность, либо регрессивность в виде позитивных или негативных перемен и трендов.

Среди западных аналитиков чрезвычайно высока потребность в аргументированных мнениях о тенденциях в решении социальных проблем и трансформации системы социального обеспечения новой России. Заявленная оппозиция двух широко известных исследователей российской социальной политики предлагает бинарность в анализе социального кризиса, эффективности политических решений, а также перспектив социального развития. Воображаемое противопоставление экспертного дискурса Manning и Standing не имеет места в реальности, где, в частности, оба используют взаимные референции. Тем не менее гипотетическое сравнение задается правомочным рефери, который замечает, что, «хотя Manning и Davidova (1998) фиксируют новые реалии в российской социальной политике, Standing (1998:41) сообщает о "хаотичной ситуации, в которой люди умирают"» [Deacon 2000, p. 151].

Итак, первый срез проводится в середине 1990-х годов с их масштабным кризисом всей системы социальной защиты и лихорадочными мероприятиями российского правительства по стабилизации социальной ситуации. В отчетах широко транслируются цели политических реформ, декларированные в 1993 г. в программных заявлениях президента. Среди социальных проблем наибольшую обеспокоенность вызывают те, которые нарушают презумпцию социальной справедливости, — увеличивающееся неравенство в распределении доходов, быстрые темпы разгосударствления предприятий, рост безработицы, приватизация жилья, проблемы с финансированием здравоохранения и образования,

Сомнение или надежда: зарубежные образы социальной политики России

сильная региональная дифференциация. В отсутствии общенациональной схемы противодействия кризису возникают мириады политических проектов, которые, по мнению Standing (1998), признаются панацеей от всех бед, однако не учитывают положения многих российских граждан. Речь идет о шоковой терапии, либерализации цен, инфляции, урезании государственного бюджета, приватизации собственности, реструктуризации предприятий, административных отпусках, задержке заработной платы, активной политике занятости и др. В области реформирования социального обеспечения экспертные рекомендации совпадают с осуществляемыми мерами, имеющими тем не менее характер аварийной помощи. Получают одобрение усилия федерального правительства по легитимации минимальной заработной платы и разработке схемы социальных пособий. Приветствуются инициативы местных администраций. Так, «хорошим примером является г. Таганрог, где учрежденный властями Фонд социального обеспечения (финансируемый 15 % местного бюджета) обеспечивает доплаты до прожиточного минимума и небольшое базовое пособие для покупки продуктов малообеспеченным семьям» [Manning 1995, p. 203].

Политика занятости постепенно принимает форму *workfare* (защищенность занятостью) в североамериканском варианте, когда система единовременных пособий и случайной помощи превращается в политику адресности и активной занятости для безработных [Standing 1996]. От реципиентов службы занятости ожидается поисковая активность; оценивается не только уровень жизни, но и проводится поведенческое тестирование. Реформированная государственная социальная политика в сфере занятости соседствует с неповоротливой, но приносящей прежние дивиденды схемой социального обеспечения на предприятиях. Неверием в эффективность первой системы объясняется выбор в пользу второй. Многие россияне не желают расставаться с ощущением социальной защищенности по месту работы даже при задержках выплат заработной платы и других административных нарушениях [Ashwin 1997].

Образ трансформаций начала—середины 1990-х годов не всегда лишь описательный, а внешняя позиция не ограничивается прогнозами. Вероятно, констатация заметна в названии работы «Россия переходного периода: политика, приватизация и неравенство» [Manning 1995], однако заголовок главы «Социальное обеспечение в Центральной и Восточной Европе: хвост скользкого якоря и разрывы в сетях спасения» обладает отнюдь не только дескриптивной коннотацией. Метафора отражает представление о «трагикомичной» истории государств с переходной экономикой, правительства которых обуяло «горячее стремление выстроить одну из систем социального обеспечения западного типа, что в некоторых случаях спровоцировало хаос и путаницу, а также неравенство и социальную депривацию» [Standing 1996, p. 236]. Шоковая терапия, предложенная западными консультантами (среди них Standing) как переходный этап в движении к рынку, привела к значительным разрушениям системы социальной безопасности.

Критичное отношение к импортированию Россией технологий социального обеспечения характерно для вышеуказанной позиции, тогда как Manning стремится поместить российскую социальную реформу в общемировой контекст социальной политики. Так, сходные процессы обнаруживаются в области реформирования образования: российский образовательный рынок подвергся

многочисленным изменениям. Так же, как и в Великобритании несколько лет назад, произошел быстрый рост числа институтов, трансформировавшихся в университеты в целях улучшения собственной репутации. Интенсивное налогообложение предприятий в качестве одной из альтернатив налогового сбора трактуется как реминисценция французской системы. Со временем обязательство предприятий по социальной защите работников превратилось во Франции в тяжкое бремя, что заставило правительство сократить отчисления по этой статье. Ожидается, что российские менеджеры в дальнейшем примут такое же решение.

Стратегические планы России в области страхования сопоставляются с национальной системой страхования Германии, где в отличие от США правительственные программы предлагают достаточно весомые пакеты страхования. Проблематичность заимствования, безусловно, осознается. Так, в российской системе пенсионного обеспечения, беспрестанно изменяющегося, с начала 1990-х годов сделана ставка на пенсионные фонды, в которых накапливаются средства через отчисления работающих. Подобное происходило в североамериканских и британских системах пенсионного обеспечения, когда за основу брался принцип *pay-as-you-go*: каждое поколение через налоговые платежи обеспечивает пособия по старости предыдущему поколению. Однако отмечается, что фонды строятся годами, а пенсии российским гражданам необходимо платить сейчас [Manning 1995].

Усилия российского правительства обратились в «пузырьки эвфемизмов», когда к 1998 г. обнаружили вторичные следствия реформы, которую «никто не может назвать или позволить себе назвать успешной» [Standing 1998, p. 23]. В статье «Социетальное обнищание: вызов для российской социальной политики» демонстрируются масштабы бедности, неравенства и стресса, которым сопутствуют падение продолжительности жизни, растущий уровень смертности, несостоятельность школьного образования, отсутствие социальной защищенности и массовая безработица.

Исключительно популярная в аналитических обзорах дискуссия о субъективных и объективных оценках бедности ведется и здесь. Если ранее введение минимальной заработной платы признавалось знаменательным фактом, то теперь, по прошествии времени, объявляется прямым источником обнищания. Бедные дифференцируются по четырем условным категориям: пауперизм — доход ниже минимальной зарплаты; нищета — доход ниже стоимости минимальной потребительской корзины; нуждаемость — доход ниже официального прожиточного минимума; малообеспеченность — доход выше прожиточного минимума, но ниже социальной нормы, обеспечивающий адекватный для страны жизненный стандарт [Standing 1998].

Особое место занимает демонстрация сомнительности официальной статистики. Так, сравнение данных опросов ВЦИОМа и опросов, спонсируемых законодателем глобальной статистики Всемирным банком, с цифрами Госкомстата показывает официальное занижение коэффициента Джини на 15 %. Иные транслируемые показатели, в свою очередь, опровергаются другими исследованиями. Например, низкий уровень детских дошкольных учреждений как следствие разрушение системы социальной поддержки семей, подтверждается снижением посещаемости детских садов детьми от 3 до 6 лет (с 69 % в 1989 г. до 54 %

Сомнение или надежда: зарубежные образы социальной политики России

в 1995 г.). Однако Pascall и Manning приводят другие данные: 78 % и 65 % в 1989 и 1997 гг. соответственно [*Pascall, Manning 2000*].

Негативные тенденции отмечаются также в сфере школьного образования: в 1996—1997 гг. в начальных школах учились 87 %, а среднее образование получали всего 72 % детей релевантных возрастов. Определенная манипуляция статистическими данными сочетается с дискредитацией источников их получения. Происхождение скрытой безработицы и отсутствие регистрации огромного числа незанятых иллюстрируется характерными примерами: «оценка занятости в официальных опросах рынка труда может опираться на такие факты, как сбор грибов или ягод в лесу в урожайное время года на протяжении часа или нескольких часов в неделю; таким образом, человек 30 часов в неделю искал работу и 3 часа собирал грибы и считался работающим» [*Standing 1998*, р. 40]. Помимо анализа критериев занятости рассматриваются и способы выживания российских граждан, в их ряду натуральное хозяйство.

Детализация социального страдания, однако, имеет значение не сама по себе, а в целях вынесения вердикта о реформе, государстве и населении. Люди поражены той «хаотичной ситуацией, в которой они умирают, переживают социальные болезни, попадают в преступные группы или побуждаются к совершению суицида... Страна, в которой миллионы граждан стали маргиналами, может быть лишь с большой натяжкой названа обладающей условиями для долговременного социального и экономического развития». Поэтому «сейчас надо перестать притворяться, что реформы были хорошо спроектированы, или проведены, или что они не были проведены вовсе» [*Standing 1998*, р. 40—41].

Постановка диагноза представляет собой определенное искушение, которому подвержены многие политики, в том числе и российские. Один из российских кабинетных министров высказал в 1993 г. следующее мнение на вопрос, почему люди не протестуют против очевидной депривации: «Они только идут домой и умирают» [*Standing 1996*, р. 250]. Другой официальный чиновник с безжалостной логикой заключил: «Мы должны просто вычеркнуть это поколение» [*Standing 1996*, р. 251]. Подобный цинизм в отношении социальных реформ чреват социальным взрывом. По мысли Standing, российские граждане должны иметь право на социальную защиту и пользоваться ей в случае необходимости, иначе они могут стать неуправляемыми.

В отличие от работ стороннего эксперта, строящего аналитические цепочки из комбинации официальной статистики и неофициальных высказываний, один из недавних обзоров, опубликованных за границей, основан на данных многолетнего исследования российской выборки акторов и реципиентов социальной политики [*Manning, Shkaratan, Tikhonova 2000*]. Соотнесение мнений профессионалов социальной политики, федеральных и региональных государственных деятелей с позицией российских граждан обеспечивается опросами и интервью в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже.

Участие российских ученых в исследовании не мешает им прийти к радикальным выводам относительно дипломатии российской политики, главной целью которой признается отнюдь не оказание помощи наиболее депривированным людям. В ходе анализа становится очевидным представление о том, что социальные реформаторы более всего ратуют за обеспечение стабильности в обществе в интересах элиты, а уязвимые социальные слои (пожилые люди,

одинокие матери, инвалиды и т. д.) менее способны к активному социальному протесту, чем остальная часть населения. Результаты исследования показывают, что существует значительный диссонанс между декларируемыми и реальными целями социальной политики [Manning, Shkaratan, Tikhonova 2000].

В поиске гендерного измерения

Исследовательский акцент на гендерных аспектах социальной политики скорее всего будет замечен любым, а тем более гендерно-отзывчивым читателем. Концепция режимов государств всеобщего благосостояния после серьезной критики феминистками подверглась пересмотру, и многие заговорили о включении гендерного измерения в треугольник социальных государств или о создании принципиально новой классификации гендерной политики [Sainsbury 1996]. Был предложен концепт дефамилиализации в качестве радикальной альтернативы декоммодификации. Как Esping-Andersen, так и Standing в своих последних работах соглашаются с очевидностью собственной слепоты в вопросах пола [Esping-Andersen 1999; Standing 1999b].

В публикациях конца XX в. считается плохим тоном не сделать какого-либо реверанса в сторону женщин. Зачастую это намерение сводится к услужливым попыткам дифференцировать социальные и экономические показатели на оцифрованные проблемы женщин и мужчин, наряду с другими демографическими, например возрастными, различиями. Так, Standing отмечает полемичность ранних концепций режимов социальных государств, поскольку в них социальная роль женщин измерялась исключительно тем, насколько женщины на рынке труда становились подобными трудящимся мужчинам [Standing 1999b]. Большинство теоретических подходов к социальной политике могут быть причислены в лучшем случае к гендерно-нейтральным.

Тенденция к специфическому фокусу на гендерной дифференциации социальных прав коснулась и обзоров российской социальной политики. Прежде всего отмечается многочисленность ссылок на социальное положение женщин в советский период. В частности, к ним принадлежит концептуальная схема гендерного контракта, в данном случае контракта работающей матери, имплицитно заключенного между государством, мужчинами и женщинами и закрепленного государственной политикой в виде социальных гарантий [Rotkirch, Temkina 1996]. В постсоветский период данный контракт трансформировался.

Pascall и Manning в аналитическом обзоре постсоветской модели [Pascall, Manning 2000] сочетают гендерные исследования с исследованиями социальной политики. Привлекая концепт дефамилиализации к оценке женской независимости, Pascall и Manning определяют не степень свободы от семьи, а в первую очередь то, как юридическое и социальное обеспечение изменяют баланс власти между мужчинами и женщинами, между зависимыми и независимыми членами семьи. Предполагается, что в социальной политике статусы женщин в качестве оплачиваемых работниц, партнеров, матерей, домохозяек и гражданок являются основой социальных гарантий. Следующая гипотеза свидетельствует о том, что дифференциация гарантий влияет на положение женщин в семье, их способность изменять семейные роли и формировать автономное домохозяйство. Остановимся на результатах.

Сомнение или надежда: зарубежные образы социальной политики России

Во-первых, статус женщин как работниц в большинстве стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза в 1990-х годах существенно изменился [Pascall, Manning 2000]. Спад в участии женщин на рынке труда в России, по данным ЮНИСЕФ, достиг 12 % и стал особенно очевиден среди молодых женщин с детьми. Российские женщины испытывают различные проявления открытой дискриминации на рынке труда, доступ к развивающемуся частному сектору для многих затруднен, в результате большинство из них замыкаются в традиционных профессиональных ролях в социальной сфере или промышленности. С одной стороны, трудовое законодательство способствовало сохранению достаточно благоприятного по международным стандартам положения женщин, которые стремятся к оплачиваемой занятости, где гендерный разрыв не столь резок согласно результатам сравнительного анализа. С другой стороны, усиливается горизонтальная и вертикальная сегрегация, появляются новые дискриминирующие практики в оплате труда и карьеры. Доходы женщин в среднем недостаточны, чтобы купить, например, отдельное жилье, а для одиноких матерей слишком низки, чтобы избежать бедности. Эти факты препятствуют обретению способности к выбору и освобождению от семейной зависимости. Во-вторых, статус женщин как партнеров (жен), по-видимому, достаточно высок и поддерживается государством. Налоги и система пособий индивидуализированы, не существует зависимости от роли кормильца или несамостоятельного члена семьи в обладании социальными гарантиями. Права собственности как в браке, так и при разводе определяются равным владением. К числу негативных характеристик положения женщин в браке относится отсутствие юридической защиты от домашнего насилия. Кроме того, сложившийся патриархальный уклад препятствует участию мужчин в домашней работе и воспитании детей.

В-третьих, статус женщин как матерей определяется общей ситуацией социально-экономического спада: большинство государственных гарантий, направленных на охрану детства, характеризуются постоянным снижением размеров выплат и их задержкой. Снизилась доля расходов ВВП на нужды семейных пособий, материнства и ухода за детьми. Размеры детских пособий постепенно падают — с 10,2 % от средней зарплаты в 1992 г. до 6,1 % в 1997 г. Схожая тенденция коснулась пособий по рождению ребенка: их ценность снизилась на 40% в 1989-1997 гг.

Для одиноких матерей детские пособия несколько выше, но задержки с их выплатой очень болезненны, пособия по бедности почти не повышают жизненного уровня. Проблемы с выплатой алиментов испытывают 50 % одиноких матерей. Высокие расходы на поддержку семьи, детские сады, родительские пособия и отпуск требуют развитой системы налогообложения, которой в России пока нет. Те программы, в которых делается попытка ликвидировать зависимость размеров социальных гарантий от налогов, возлагают обязательства по их обеспечению на работодателей. Соответственно это делает женщин менее желательными в качестве работников и снижает возможность получения пособий для женщин, работающих неформально. Следствием подобных проблем является необходимость поиска кормильца семьи, которая особенно очевидна для женщин с детьми.

В-четвертых, статус женщин, обеспечивающих уход, лечение и воспитание, условно названный статусом женщины как домохозяйки, также меняется

на протяжении последних лет. Приватизация социальных учреждений образования и здравоохранения приводит к повышению ответственности женщин за оказание услуг и закреплению традиционных моделей семьи. Патриархальный ренессанс роли мужчины, содержащего семью, способствует углубляющейся фамилиализации женской домашней работы и работы по уходу, которая не рассматривается в терминах стоимости. Фамилиализация женщин обозначает рост потребности в семейных связях и расширенных родственных отношениях, поиске неформальной защиты в социальном окружении.

Наконец, в-пятых, статус женщин как гражданок — активных участниц социальных, гражданских и политических действий постепенно повышается. Женские движения медленно, но развиваются, создаются общественные организации. Однако структуры нового режима сопротивляются участию женщин в официальных органах власти и затрудняют продвижение социальных программ и защиту государственных статей расходов на здравоохранение, образование и семью. Противостоять насилию в семье и внутрисемейному разделению ролей еще труднее, что закрепляет семейную взаимозависимость. Большинство социальных акций не политизированы, а женские организации заняты ежедневной деятельностью по выживанию. В социальной политике женщины-акторы составляют небольшую группу.

Таким образом, в результате анализа положения женщин в России постсоветского периода Pascall и Manning приходят к выводу, что существует значительная зависимость женщин от семейных взаимоотношений. Семья является явной экономической необходимостью. Тем не менее авторы аргументированно утверждают, что, будучи зависимыми от семейных взаимоотношений, женщины в то же время могут быть более свободными [Pascall, Manning 2000, p. 262]. Вероятно, речь идет о специфической форме власти, когда существование семьи все более обуславливается положением женщин и методов их выживания.

Работа Katz, соотнося *pros* и *contras*, иллюстрирует негативные и позитивные стороны положения российских женщин на рынке труда [Katz 2001]. Несомненное преимущество исследования — это комбинация отечественных и зарубежных данных о России. Так, подчеркиваются ограничительные факторы, маргинализирующие положение женщин в 90-е годы: сокращение женской рабочей силы на предприятиях в период реструктуризации, нарушение социальных прав работающих женщин (отпуск по уходу за ребенком, больничный лист и др.), снижение финансирования бюджетной сферы, исчезновение системы бесплатных сервисов и необходимость их компенсации домашним трудом, распространение дискриминирующих аттитюдов, рост числа неработающих замужних женщин, повышающих престиж нуворишей.

Одновременно выявляются факторы, обеспечивающие преимущества женщин на рынке труда: рост безработицы среди мужчин, занятых в тяжелой промышленности и добыче полезных ископаемых, увеличение числа мужчин, сокращенных из вооруженных сил, развитие сферы обслуживания с широкими возможностями для женской занятости, предпочтения работодателей ответственного исполнения обязанностей женщинами неэффективной работе пьющих мужчин. В целом, однако, гендерное противопоставление на российском рынке труда не является основной задачей исследования.

Сомнение или надежда: зарубежные образы социальной политики России

Там, где отсутствует артикулированная гендерная позиция, т. е. самоидентификация автора, например с гендерно-чувствительным исследователем, остается догадываться о дискурсивном послании. Гендерно-сравнительная модель угадывается в предыдущей работе, тогда как в следующем обзоре, на первый взгляд, претендующим лишь на доклад «о положении женщин», на самом деле ставится острая проблема с феминистским акцентом. Отчеты, размещенные на Интернет-сайтах Всемирного банка, вскрывают уязвимые зоны в социальной защите женщин [The World Bank Group in Russia].

Женщины пенсионного возраста представлены в качестве одной из многочисленных социально незащищенных групп; их численность, по оценкам Госкомстата, в 1999 г. составляла 70 % от числа всех пенсионеров. Но не демографическая разница определяет гендерную дискриминацию в пенсионном обеспечении. Неравенство подкреплено законодательно и становится явным при расчетах трудового стажа, поскольку количество трудовых лет у мужчин выше, чем у женщин, проведших годы в отпусках по уходу за ребенком, а также вследствие более низкого пенсионного возраста. Системой социального обеспечения не учитывается качественное различие вклада мужчин и женщин в национальное благосостояние. В 1997 г. размеры пенсий женщин составляли 60—90 % от размеров пенсий мужчин. Предполагается, что введение в настоящее время накопительной и страховой форм пенсий не решит проблему гендерного неравенства в пенсионном обеспечении, так как вся пенсионная сумма распределяется согласно ожидаемой продолжительности жизни, которая для женщин существенно выше. В этом случае соотношение пенсий вполне вероятно снизится до 42-60 % [The World Bank Group in Russia].

Таким образом, в феминистских исследованиях поставлены правомерные вопросы о вкладе социальной политики в гендерное неравенство. Социальный кризис в России конца XX столетия наиболее существенно затронул положение женщин в их статусах работниц и матерей. Изменение тем более ощутимо, поскольку эти социальные статусы представляют собой доминирующие контрактные роли. Статус женщин в социальном государстве неизбежно отличен от статуса мужчин, и социальная политика должна трансформировать гендерные контракты с помощью механизмов социальной защиты в целях ликвидации неравенства жизненных стандартов и различий благосостояния.

Заключение

Сегодня, в эпоху открытых границ и совместных проектов, особенно часто возникает желание сопоставить внутрироссийскую и внешнюю перспективу. Иной взгляд на привычную для россиян социальную действительность полезен для понимания особенностей социального развития России. В процессе рефлексии социальной политики необходимо избежать искушения крайними ощущениями. Вживаться в роль ослабленной жертвы экономического эксперимента так же опасно, как и потворствовать воспаленному патриотическому сознанию.

Вместе с тем отнюдь не просто заставить отказаться от своих предубеждений зарубежных экспертов, извлекающих из противопоставления определен-

ную политическую выгоду. Дискурс исключения объединяет мнения о неадекватности заимствований западных социально-политических технологий; успех социальной реформы оценивается достаточно осторожно. Напротив, триангулированные образы, использующие результаты внутрироссийских исследований и опросов общественного мнения, увеличивают шансы интеграции в общемировой контекст социальных политик. Вероятно, гражданина любого государства не воодушевят слова о том, что его страна является виртуальной экспериментальной лабораторией. Скорее они заставят продолжить формирование мнения о необходимости взвешенных оценок пройденного и критического пересмотра социальной политики, а также перспектив социального развития.

Тест на толерантность для зарубежного эксперта и одновременно тест на терпение для россиянина: согласны ли вы с мнением «The Economist», что российские граждане вновь стоят «в очереди за будущим»? Если да, то почему?

Литература

- Ashwin S.* Shop floor trade unionism in Russia // *Work, Employment and Society*. 1997. Vol. 11. N 1. P. 115-132.
- Deacon B.* Eastern European welfare states: the impact of the politics of globalisation // *Journal of European Social Policy*. 2000. 10 (2). P. 148-160.
- Iarskaia-Smirnova E.* Social Work in Russia: Professional Identity, Culture and the State // *International Perspectives in Social Work — Social Work and the State* / Ed. by B. Lesnik. Pavilion Publishing: Brighton, 1999. P. 31—44.
- Katz K.* Gender, work and wages in the Soviet Union. Basinstoke: Palgrave, 2001.
- Kotkin S.* Armageddon Averted: The Soviet Collapse 1970—2000. Oxford, 2002.
- Manning N.* Social policy and the welfare state // *Russia in transition: politics, privatisation and inequality*. David Lane. Longam Group UK limited, 1995, P. 199—220.
- Manning N, Shkaratan O., Tikhonova N.* Work and welfare in the new Russia. Alderhot: Ashgate, 2000.
- Pascall G, Manning N.* Gender and social policy: comparing welfare states in Central and Eastern Еигорй and the former Soviet Union // *Journal of European Social Policy*. 2000. 10(3). P. 240-264.
- Reddaway P., Glinski D.* Tragedy of Russia's reforms: market bolshevism against democracy. United states institute of peace press, 2000.
- Rotkirch A., Temkina A.* The fractured working mother and other new gender contracts in contemporary Russia // *Acta sociologica*, 1996.
- Shleifer A., Treisman D.* Without a map: Political tactics and economic reform in Russia: Cambridge, Massachusetts. The MIT Press. Massachusetts institute of technology. 2000.
- Standing G.* Social protection in Central and Eastern Еигорй: atale of slipping anchors and torn safety nets // *Welfare States in transiton. National adaptations in global economise* / Ed. by G. Esping-Andersen. SAGE publications. 1996. P. 225—255.
- Standing G.* Societal impoverishment: the challenge for Russian social policy // *Journal of European social policy*. Vol. 8. N 1. 1998. February. P. 23—43.
- Standing G.* The Babble of Euphemisms. University of Nottinghams, 1999a.
- Standing G.* Global Labour Flexibility: Seeking Distributive Justice. Macmillan Press. Great Britain, 1999b.
- The Economist. 2000. November 25th. P. 125.
- The Economist. 2001a. March 17th. P. 101.
- The Economist. 2001b. March 24th. P. 37-38.

Сомнение или надежда: зарубежные образы социальной политики России

The Economist. 2001c. November 24th. P. 76.

The Economist. 2002a. January 26th. P. 31.

The Economist. 2002b. February 23rd. P. 94.

The World Bank Group in Russia — Data and Publications // www.worldbank.org/ru/eng/statistics.

Weigle M.A. Russia's liberal project. State-society relations in the transition from communism.

The Pennsylvania state university press. 2000.

Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economies / Ed. by G. Esping-Andersen. SAGE Publications, 1996.